

Мрачные серые стены не располагали к творчеству. Вообще, все кругом было серым или чёрным, без единого светлого мазка. В воздухе витал простуженный запах кладбища — спертый, стылый, заброшенный. Примерно так ощущал бы себя любой гость, окажись он здесь — мертвым.

Безвременье. Витающие клубы пыли, подсвеченные слабыми огнями закатного солнца, разливающегося за неплотно занавешенными шторами. Пустыня. Пространство, где не было места мечтам и тем более — счастью.

Окружающую пустоту, а прежде — пустоту внутри, она заполняла учебниками и занятиями. Ничего другого не оставалось. Только проваливаться в огромный мир, живущий снаружи, через книги, нелепые, казалось, фантазии, и сценарии того, что никогда не произойдёт. А также сны, бывавшие редкими спутниками.

Помимо занятий она предавалась тренировкам — искусно завуалированной форме домашнего насилия.

Отец учил ее противостоять действию Круциатуса. Он быстро понял, что лучший способ провоцировать развитие магии Марты — пользоваться стратегией запугивания. Телесные наказания не давали такого прогресса. Но Маркус прибегал и к ним, когда это было необходимо, чтобы организм успевал восстанавливаться.

И это, к удивлению, давало свои плоды. Марта научилась справляться без палочки — когда в очередной раз, со злости, неосознанно, просто представив, пальнула в отца режущим. Не сильным, но и этого достаточно, если целиться в шею. Оружие для аккуратного, точно скальпель, бесшумного убийства.

Особенно важный навык, если тебя возвращают для дальнейшей службы у Темного Лорда. Маркусу было, что ему предложить.

После выходки ее матери, он как никто другой осознал правильность убеждений о необходимости формировать чистокровное магическое сообщество.

Именно Флоренция была повинна в том, что Марту не приняли на обучение в Хогвартс. Именно она на корню загубила ее будущее. Путь к величию, которым Маркус был так одержим.

Он нашёл другую тропинку. Витиеватую, топкую, лежащую через долину страданий, ужаса и боли. Но кто может винить его за это? Так или иначе, он всегда действовал в интересах дочери. Он — не Флоренция — тот, кто по-настоящему любил Марту. Остальное — сопутствующий ущерб, плата за то, чтобы быть признанным.

Временами Марта была даже благодарна за пытки. Чувство, следовавшее после, давало ей ментальную передышку. Мозг просто не мог постоянно находиться в стрессе. И тогда случалось следующее: внутри нее словно открывался ящик, куда она могла задвинуть все

земные ощущения; тело становилось эфемерной оболочкой или панцирем, а все живое, сокрытое внутри — дремало, обретая собственный мир и краски. Находило островок спокойствия. На деле же — она понимала — это знаменовало лишь тихое умирание ее изможденного мозга. Микрокома. И немного окклюенции.

Но...

В ее жизни было место и свету. Совсем немного. Его приходилось собирать по крупичкам, ловить как пыль. Напиваться капельками росы на рассвете — в самое тёмное время суток.

Хорошее было.

Бабушка Габи. Беспардонная, ветреная, но чуткая бабушка Габриэлла. Благодаря ей у маленькой Марты был шанс вырасти нормальной. Запятнанной, запуганной, оттого — злой, защищающейся и ранимой, но все равно — нормальной.

Она жила во Франции и приходила редко, обычно — по просьбе отца. Габриэлла никогда не лезла ее воспитывать. Скорее всего, ей было ясно, что она ничего не сможет изменить в жизни Марты и сына — Маркуса. Но сделать ярче — да. Определенно.

Время, проводимое вместе, было слишком ценно, чтобы тратить его на сожаление и капризы. Поэтому они просто... Танцевали. Бабушка Габи не была светской львицей — она порицала образ жизни этих чистоплюев. И вроде бы все понимала без слов. Видела по глазам Марты.

А потому просто учила внучку танцам. Радовала дорогими вещами, при этом объясняя — «большее, что ты можешь сделать — это уважать себя». Даже новая пара туфель могла сделать день не плохим — сносным. Уже лучше, верно?

Бабушка Габи научила ее курить. О, она любила это дело. Но Габриэлла делала это воистину женственно — не так дилетантски, как Марта. Она всегда носила на указательном пальце кольцо-держатель, предпочитая помпезному золоту изящное и холодное серебро, украшенное сапфиром.

От желания перейти черту Марту останавливала только пара вещей. Первая: что она сделала в свои 15? Ей хотелось быть кем-то, значить что-то, обладать чем-то. И вторая: бабушка Габи.

Страх смерти был фоном. То, что должно произойти, произойдет.

И пока что она терпит. Терпит тремор, который раз за разом сбивает с ритма.

Бум, бряц!

Марта раздраженно выдохнула. Сейчас она не могла взяться за учебники, потому что руки дрожали, постоянно отвлекая. Даже если вцепиться в книгу до боли в пальцах, слова отказывались складываться в предложения. А ежели получалось, прочитанное тут же ускользало из памяти. Некоторая, даже самая простая теория просто не могла разместиться на полочках ее разума.

— Проходите, мой Лорд.

И следом, скопом мурашек по телу:

— Благодарю, мой сердечный друг.

Марта подняла глаза, глядя вверх крышки фортепиано на вошедших гостей.

— Признаться, я удивлён, как тебе удалось спланировать ритуал... — Волан-де-Морт осекся, заметив девочку в зале. Полы его тёмной мантии качнулись.

— Дочь, — Маркус выпрямился, как вышколенный солдат, заводя руки за спину и строго подняв подбородок.

— Отец, — еле слышно отозвалась Марта, ежась от того, как волоски на коже и затылке встают дыбом. Это все он? Этот... Мужчина?

Тёмный Лорд порывисто повернулся к Маркусу, возбужденно скалясь. Секундный молчаливый обмен взглядами, и на него снизошло понимание.

— Марта... — на выдохе. Поворот головы.

— Какое чудное дитя... Не о ней ли ты мне рассказывал, Маркус?

— Да, мой Лорд.

Волан-де-Морт пытливо оглядел ее.

Марта медленно поднялась из-за фортепиано и вышла в центр небольшой комнатушки, больше напоминающей склад ненужных и забытых кем-то вещей. Стеллажей из книг, коробок, ящиков с пустыми склянками зелий и манекенов, испещренных заклятиями.

Маркус наклонился ближе к лицу повелителя и зашептал ему на ухо, отчего волшебник медленно качнул в воздухе длинными, запятыми шлейфом черной магии, пальцами, с острыми как иглы ногтями. Будто зачерпывая воздух, пробуя его.

Марта переводила взгляд с одного на другого, не понимая, в чем же дело.

Но рассчитывать на приватность в такой маленькой комнате — глупо. Она услышала. И сердце сжалось в тиски.

Испытайте ее.

А скользкая змея, имя которой самое наиотвратнейшее — страх — ужалила, разгоняя чернь по венам. Пуская гребаный адреналин.

Последовал его смех. Предвкушающий и предваряющий мучения.

Марта помнила дрожь от кошмарного предчувствия. И свою инстинктивную, в спутанном сознании, единственно верную и логичную реакцию — бежать.

Но прежде, чем успеть:

— Круцио! — молниеносная красная вспышка перед глазами.

Агония, выжигающая капилляры глаз, ломающая кости, выкручивающая суставы. Нескончаемая боль, литрами кипятка раздирающая тело.

***

Марта открыла глаза, чувствуя слипшиеся от ночных терзаний ресницы и слыша собственный тихий плач. Сжала пальцами подушку, утыкаясь в нее лицом и осознавая, что произошедшее — сон.

Она надрывно всхлипнула и поморщилась от стягивающей боли в грудной клетке. Провела холодной рукой по лицу и приподнялась на локтях, замечая то, чего быть не должно. А именно — волосы. Копну огненно-алых волос.

Марта подорвалась с кровати, опрокидывая тяжёлый балдахин, и кинулась к зеркалу, встречая абсолютно другую себя. Расцветшее в прыщах лицо и изменившую цвет шевелюру.

И только спустя пару секунд обратила внимание на то, что спальня девочек была пуста. Какого...

Блять, время!

Марта забыла поставить будильник, и ее никто не разбудил. Почему?

Ответ нашелся быстро. Пэнси. Херова, мать её, Пэнси.

Девушка кинула взгляд на настенные часы. 8:17, уроки (первые, горгулья тебя раздери, уроки!) начнутся через 43 минуты.

Время есть. Одеться, умыться, забежать к Помфри, чтобы свела этот ужас (здесь спасёт только зелье из бубонтюберов) и... Что дальше?

Марта приблизилась к зеркалу вплотную, касаясь его кончиком носа. Алый. Самый премерзкий для Слизерина цвет. Пэнси решила открыто заявить всем, что ей здесь не место. От грубой силы к холодной войне?

Она провела ладонью по волосам, что едва прикрывали лопатки. Склонила голову набок. Решение пришло само собой.

Хочешь поиграть, Пэнси? Будет тебе игра.

Боже, повезет, если она не со всеми испортила отношения вчера...

<http://tl.rulate.ru/book/101458/3488313>